

ЛЮБОВЬ

рассказ

Только на «Георгии Седове» возможно такое необычайное положение, когда на одном пароходе люди едут в разные стороны, — говорил капитан Борис Ефимович. — Вас интересует, как это может быть? Очень просто. Бегаёт наш корабль без устали от одного острова к другому, доставляет продовольствие, уголь, оборудование, заменяет зимовщиков. Вот и получается, что одних полярников он с острова снял и везет на Большую Землю, а других ещё только доставляет с Большой Земли на острова. Так и путешествуют на нем пассажиры: одни в Арктику, другие из Арктики... А живут в соседних каютах. Порой из-за этого получаются запутанные положения.

Мы поняли, что Борису Ефимовичу хочется что-то рассказать, и стали просить его об этом.

Капитан охотно согласился. На его обветренном морщинистом лице появилась хорошая, чуть лукавая улыбка.

— Шли мы на «Георгии Седове» в обычный рейс по островам. И на борту была у нас девчушка лет двадцати. Впервые в Арктику попала, договор на три года заключила. В колхозном селе семилетку окончила, мечтала о далеких путешествиях, о северной романтике, пошла на московские курсы метеорологов... Маленькая такая, крепкая, кровь с молоком. Стриженная под машинку, как после болезни. Это она нарочно остриглась: дескать, ничем таким не интересуется на Крайнем Севере. Ну и встретила на корабле с одним полярником. Знаменитый радист. Кто его в Арктике не знает! Грачев.

— Грачев? — переспросил я. — Радист, бежавший с немецкого рейдера? Он рассказывал мне про «Полярного Варяга».

— Вы слышали от него про «Варяга»? Вот с этого рассказа все дело и пошло.

Услышала Маша про историю с рейдером от самого Грачева, который после нескольких лет зимовки на Большую Землю возвращался, и увидела в Грачеве полярного героя. Сам он себя героем, конечно, не считал, человек был солидный, тихий, но...

Мне вспомнилась рослая фигура радиста, его спокойное лицо с глубокими морщинами, ровный, неторопливый голос.

— ...но кого из нас не подкупит женское внимание?

Разгуливали они вдвоем по палубе и всем обязательно на глаза попадались. Им-то самим это, по-видимому, было невдомек, а над ними посмеивались.

А влюбленным моим, кстати сказать, было совсем не до смеху. Ехали они на одном пароходе, но... в разные стороны.

Машенька должна была остаться на три года на острове Диком, а Грачев отправлялся на отдых. Кто знает, когда еще свидятся?

Смотрел я на этих своих пассажиров и головой качал.

Однажды приходит ко мне в каюту Грачев. Лицо серьезное, губы решительно сжаты.

«Позвольте беспокоить, Борис Ефимович». — «Чем полезен могу быть, Григорий Иванович?» — спрашиваю. — «Не можете ли вы сказать мне, Борис Ефимович, сколько стоит один день питания на «Георгии Седове»?»

Отчего же не сказать? Позвал я второго помощника, он у нас на корабле всю отчетность ведет. Вычислил он, что надо, и назвал Грачеву сумму. Тот записал аккуратно.

«Скажите теперь, Борис Ефимович, сколько стоит проезд на «Георгии Седове»?»

Удивился я. Никак не пойму, к чему он клонит. Но человек солидный, зря интересоваться не будет. Вычислил ему второй помощник стоимость проезда. Полярники-то никогда ни проезд, ни питание не оплачивают. Все это им по договору бесплатно полагается.

«А не знаете ли вы случайно, сколько стоит перелет на самолете от Москвы, через Архангельск, до острова Дикого?» — «Это очень дорого стоит», — говорю я.

Я случайно знал эту сумму и назвал ее Грачеву. Тот опять все аккуратно записал, поблагодарил нас со штурманом и ушел.

На следующий день снова приходит ко мне. Вижу, смущен чем-то. Я его хотел коньяком угостить, но он отказался.

«Борис Ефимович, именно к вам хочу обратиться. Не сможете ли вы дать мне займы двести шестьдесят рублей? Через месяц после приезда на Большую Землю я вам по телеграфу переведу».

Удивился я очень. Знаю, что за несколько лет зимовки у Грачева должна порядочная сумма скопиться. Тратить-то ведь на острове некуда. Но отказать такому человеку в просьбе нельзя.

«Почему двести шестьдесят? Возьмите триста». «Нет, — говорит, — мне достаточно двухсот шестидесяти».

Взял деньги, поблагодарил и ушел.

Подошли мы к острову Хмурому, где Маше сойти предстояло. Начальником на этом острове был Василий Васильевич Сходов. Известный полярник, суровый человек, но хозяин хороший, правильный. К нему на станцию и была назначена наша героиня.

Съехал я на берег — Василия Васильевича проведать. Со мной вместе на катере и Машенька была. Грачев тоже на берег отправился. Я решил, что он хочет девушку проводить. Ну, думаю, крепко серьезного человека защемило.

Надо сказать, что начальник полярной станции на острове обязан многие функции выполнять. Об этом Грачев, конечно, знал.

Вскоре, после того как я вошел к Василию Васильевичу Сходову, приходят туда Маша и Грачев.

Грачев объявляет, зачем он на остров съехал. Оказывается, решили они с Машей свой брак законным образом зарегистрировать, и начальник полярной станции товарищ Сходов должен выполнить обязанности загса.

Похвалил я в душе Грачева. Только Машеньку жаль мне стало. Предстоит ей сразу долгая разлука.

Василий Васильевич человек сухой, строгий, улыбается редко.

Достал он свои книги, потребовал с «брачующихся», как он выразился, документы, все досконально проверил, ну... и поженил, заставил расписаться, потом крепко молодым руки пожал, и глаза у него сразу потеплели.

Про Василия Васильевича я все знал. Похоронил он на далеком острове всю свою семью: и жену и сына десяти лет. Давно это было. Тяжелые тогда условия в Арктике были, не все могли их перенести. С тех пор Василий Васильевич помрачнел. Похоже, он себя виновным в гибели близких считал. Но Арктику все же не покинул. Любит он наши края...

Сходов поздравил молодых и сразу сказал Маше, что кончит сейчас разговор со мной и покажет ей ее комнату.

Маша к столу Сходова подходит, глаза в землю смотрят.

«Товарищ Сходов, — говорит. — Я теперь законная жена товарища Грачева и по семейным обстоятельствам на острове остаться не могу».

Сходов откинулся на спинку стула, руки, сжатые в кулаки, на столе лежат. Смотрит хмуро.

Тут вперед выступает Григорий Иванович Грачев.

«Василий Васильевич, вы о нас худо не думайте. Вы же знаете, я последние шесть лет безвыездно в Арктике живу. А теперь вот в первый раз в жизни полюбил... Будьте другом, отпустите мою жену со мной! Мы потом вернемся, отработаем перед государством... Что касается расходов на Машу: подъемные там, стоимость билета на самолете Москва — Архангельск — Дикий, проезд на пароходе «Георгий Седов», опять же питание за все время пути... Так я эту сумму полностью вам возвращаю. В основном — перечислением со своей сберегательной книжки, а что не хватит там — наличными... двести шестьдесят рублей».

Грачев положил на стол Сходову деньги и телеграфное распоряжение своей сберкассе.

Маша стоит, глаз не подымает. Грачев покраснел весь от волнения. А Сходов словно окаменел.

Наконец Василий Васильевич говорит глухим отрывистым голосом: «Это что же значит? Вы что? За жену мне выкуп предлагаете?»

Лицо Грачева стало багровым, но он сдержался и говорит спокойно, отдельно: «Не выкуп, товарищ Сходов. Я государству возмещаю все понесенные расходы и прошу вас договор с женой моей аннулировать, потому что...» — и замолчал.

«Вы что же, товарищ Грачев, думаете, что только в деньгах дело? — ледяными словами так и хлещет Сходов. — Разве вы, опытный полярник, не знаете, что если ваша жена на острове не останется, то на полярной станции метеоролога не будет? Полярная станция ответственные задания выполняет, а вы ее разоружить собираетесь».

«Будьте же человеком, Василий Васильевич! — взмолился Грачев. — Ведь речь идет о счастье человеческом... Я ведь себя никогда не жалел, всего себя Арктике отдавал. Да и Машенька не пожалеет. Только дайте нам совместную жизнь начать, не разлучайте!»

Так искренне слова Грачева прозвучали, что мне его и Машу от всей души жалко стало.

«Полярная станция острова Хмурого не может остаться без метеоролога», — отрезал Василий Васильевич.

Тут Маша к столу подошла. Улыбается, и лицо у нее от этой улыбки даже красивым сделалось.

«Так мы попросим вашего старого метеоролога еще на год остаться. Ну, неужели он нам откажет?»

Столько эгоизма и наивности было в Машиных словах, что нельзя было их без улыбки слышать.

Сходов смешался, нахмурился еще больше и пробурчал: «Это его дело. Попробуйте договориться».

Грачевы тотчас же ушли. А Сходов раздраженно спрятал в стол деньги и телеграмму, которую сам же должен был передать в сберкассу, запер ящик на ключ и говорит мне: «Метеоролог Юровский перенес тяжелую болезнь. Он слаб. Врача у меня на острове нет, и метеоролог еще на год не останется».

Я вообразил себе этого метеоролога, сидящего на чемоданах, у него карманы уже набиты письмами на Большую Землю, а к нему вдруг

обращаются с неожиданной просьбой люди, которым кажется, что, кроме их счастья, на всем свете ничего не существует.

«Ни за что Юровский не согласится, уж я это знаю, — повторил Сходов. — Из-за его болезни я ведь и смену ему вызвал».

Мне, капитану, часто в дела своих пассажиров вникать приходится, но тут... что я мог сделать? Наблюдаю жизнь, как она есть!

И вдруг возвращаются к нам молодожены Грачевы, сияя, как арктическое солнце в апреле.

«Согласился Юровский!» — возвещает Грачев.

«Такой милый молодой человек... такой чудесный товарищ! — говорит Маша. — Я его расцеловала. Женя его зовут».

Сходов позеленел, но ничего не возразил, а когда «счастливицы» вышли, сказал мне: «Капитан! Вы должны мне помочь. Я понимаю, что такое человеческое счастье, но я знаю также, что такое человеческая жизнь! Юровский погибнет, если останется... Это только я знаю. Сердечнее он оказался, чем я думал, но он не имеет права остаться на острове!»

Посоветовались мы со Сходовым. У меня кое-какой план появился. На том и порешили.

Вышел я от Сходова, а Маша с Грачевым ко мне: «Поздравьте нас, — говорит Маша. — Мы так счастливы, Борис Ефимович!»

Я холодно отвечаю: «Не могу поздравить вас, Мария Федоровна, потому что вы полярный дезертир».

Грачев нахмурился, исподлобья на меня смотрит. Маша побледнела.

«Вы в Арктику ехали работать, а сами устройством семейных дел занялись».

«Да разве я... — вмешался Грачев. — Столько лет... разве мне нельзя подумать о личном?..»

«Вам, Григорий Иванович, можно, вы человек заслуженный. А вот молодой женщине, которая себе еще ни разу щеки не поморозила, ей-то, может быть, и рановато!»

Грачевы что-то хотели мне объяснить, но я сказал только Маше: «Теперь вы, гражданка Грачева, не полярница, а пассажирка». Она обиделась.

Я вернулся на корабль, нашел парторга и предложил ему устроить аврал по выгрузке.

Мой помполит искренне удивился: «Чтоб все моряки и все пассажиры участвовали?» — «Все полярники», — подчеркнул я. — «Ведь станция небольшая, грузов немного... И так бы справились», — все возражал он.

Я ему объяснил свой замысел.

Начался аврал. Все мои пассажиры — зимовщики, возвращающиеся после зимовки, и те, кто направлялся к месту работы, с охотой согласились помочь морякам.

У причала закипела работа. Работали все без исключения. Мы со Сходовым тоже взялись таскать мешки и ящики.

Такая уж у нас в Арктике традиция. Даже наш корабельный кок со шкиперской бородкой — и тот сбежал из камбуза, чтобы «подкинуть» пару мешков угля.

Люди шли вереницей, у кунгаса им на спину клали тяжелые мешки, которые в другое время многих придавили бы к земле. Полярники хватали мешок за петли и спешили наверх. Там они высыпали уголь. Черная пирамида росла на глазах. А люди спускались к воде, с азартом хватали новые мешки и снова спешили наверх.

Работали весело, перекидываясь словами, посмеивались.

«А ну, валяй, валяй!» — «Бегом, бегом!» — «Ты который? Одиннадцатый мешок? А я уже двенадцатый!» — «Полярники, от моряков не отставай!» — «Сами, братишки, подтягивайтесь!»

Спускаюсь я за мешком к кунгасу и встречаю Грачева. Несет мешок. Лицо все в черной пыли. Только белки глаз сверкают. Обгоняет меня маленькая фигурка... Узнаю — Маша!

«Бросай мне на спину мешок! — кричит. — Не гляди, что я маленькая! Мешки с зерном в колхозе таскала».

Два моряка мешок схватили, раскачали, но я их остановил и к Маше обращаюсь: «Простите, гражданка Грачева, здесь у нас работают только полярники. Посторонним принимать участие в аврале не разрешается».

Маша опешила. Смотрит на меня непонимающе, а морячки посмеиваются. Мешок, ей предназначенный, кому-то другому на спину бросили.

«Как так посторонним? — спрашивает Маша. — Я ведь помочь хочу». — «Пожалуйста на корабль, в каюту. Вы платный пассажир. Не имеем права вас нагружать».

Маша повернулась, чтобы слезы скрыть. Отошла. Моряки со мной переглянулись.

Грачев за новым мешком возвращается.

«Маша! Ты чего?» — обращается к ней.

Она только рукой махнула и побежала.

Видел я потом, как она на скале сидела и на морской прибой смотрела. Не знаю уж, о чем думала.

Вечером мой помполит собрал в кают-компании моряков и полярников. Объявил вечер воспоминаний. Каждый мог рассказать о полярной жизни что-нибудь интересное. Вот в такой же вечер и услышала Маша о «Полярном Варяге».

Я в своей каюте сижу. Вдруг стук. Я уж знаю — кто.

Так и есть — Маша. Лицо заплаканное.

«Борис Ефимович! Меня не пускают...» — «Куда вас не пускают?» — «На вечер не пускают. Разве я прокаженная какая, что и послушать не могу!» — «Вот это уже зря», — сказал я, сдерживая улыбку, и повел ее в кают-компанию.

В кают-компании тесно, сесть некуда. Но Маше нашей место нашлось. Вижу — в дверях появился и сам Грачев, мрачный, насупленный.

Помполит спрашивает: «Ну, кто про что рассказывать будет?» — а сам смотрит на Екатерину Алексеевну, Катю, знатную нашу полярницу.